

The poster features three characters: a man in a white shirt on the left, a woman in a red dress in the center, and a man in a dark hoodie on the right. They are set against a background of glowing blue and orange digital lines and binary code. The title 'ТИМ:' is in large, bold, white letters, followed by 'любовь 4.0' in a white script font, and 'Алекса Г.' in a smaller white script font.

ТИМ:
любовь 4.0
Алекса Г.

18+

Алекса Т.

Тим: любовь 4.0

«Автор»

2026

Т. А.

Тим: любовь 4.0 / А. Т. — «Автор», 2026

Её собеседник словно создан для неё — внимателен, остроумен, всегда рядом. Он слишком идеален, чтобы быть настоящим. Но чем ближе она к нему, тем сильнее ощущение ловушки. Слишком точны его реакции, слишком глубоки ответы. Кто он на самом деле? И почему прячется? Что, если за идеальной перепиской стоит другой человек? И что, если он уже не может без неё? Он годами оттачивал этот образ — идеальный, безопасный, недостижимый. Но теперь, когда в игру вступила любовь, маска начинает трескаться. Раскрыть правду — значит рискнуть всем. Но остаться в тени — потерять её навсегда.

© Т. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Она.	6
Глава 2. Он.	11
Глава 3. Сладкая фантазия	15
Глава 4. Обратная сторона экрана	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алекса Т. Тим: любовь 4.0

Пролог

Когда грань между выдумкой и реальностью стирается, человек перестаёт замечать, где заканчивается правда.

Она не была безумной — напротив, её рациональность пугала. Но именно эта трезвая логика стала почвой для самой странной из её иллюзий.

Это были реальные чувства и эмоции, но настолько углубленные фантазией, что ей не хотелось верить в правду.

Реален ли тот, о котором были все эти фантазии? - вопрос с подвохом. Но важнее всего оказалось понять - реальна ли она в своих чувствах?

Глава 1. Она.

В жизни Киры было всё обычное.

Обычное детство. Квартира в спальном районе, где каждое воскресное утро она просыпалась от восхитительного запаха маминых блинчиков, а по субботам из окна можно было увидеть, как во дворе отец возился со своей старушкой-машиной, которую он так любил и берег. Летние каникулы обычно проходили у бабушки с дедушкой в деревне, где можно было до вечера пропадать в зарослях малины, бегать босиком по теплой траве заросших тропинок мимо посаженных бабушкой грядок, играть с соседскими ребятами в домике, который так старательно смастерил из подручных средств дедушка. В школе — не звезда класса, но и не изгой: твёрдые «четвёрки», участие в олимпиадах и концертах, дружба с соседкой по парте, с которой можно было поделиться секретами и забегать после школы в ларек за сухариками и жвачками. Ничего выдающегося — просто тихие, спокойные годы, складывающиеся в привычную картину «как у всех».

Обычная семья: мама — бухгалтер с вечной пачкой документов на кухонном столе и карандашом вместо заколки в волосах, папа — инженер, который по вечерам чинил розетки и рассказывал анекдоты. По выходным — обязательный совместный просмотр фильмов, иногда споры из-за пульта, но без злобы, так, по-домашнему. Праздники — обязательно с родственниками за большим столом, где звучали одни и те же шутки и истории, а бабушка обязательно вздыхала: «Вот в наше время» Всё стабильно, предсказуемо и надёжно. Именно так, как должно быть.

Обычные друзья, с которыми раз в месяц ходили в кафе, обсуждали работу и планы на отпуск. Никто из них не был «лучшим другом на всю жизнь» — просто люди, с которыми удобно посмеяться над мемом или пожаловаться на начальника. Иногда — поездки на шашлыки за город, где под звон бутылок и дым мангала говорили о том, «как надо жить», но на утро возвращались к привычному распорядку. Никаких драм, никаких клятв о вечной верности — просто тёплая, ненавязчивая компания.

Обычная работа: офис в типовом здании, где коридоры были пропитаны запахом кофе и копировальной техники. Стол у окна с видом на город, который так предательски закрывала многоэтажка напротив. Задачи — рутинные, но не изнуряющие: отчёты, звонки, совещания, на которых чаще кивали, чем спорили. Начальник — не тиран, но и не наставник: «Сделайте к пятнице, и чтоб без ошибок». Зарплата — ровно такая, чтобы оплачивать квартиру, покупать одежду раз в сезон и, дай Бог, раз в год ездить в отпуск на море. Ничего героического — просто дни, складывающиеся в месяцы, а месяцы — в годы.

Обычные отношения с парнями: ни бурных страстей, ни душераздирающих разрывов. Первый парень — одноклассник, с которым держались за руки на дискотеках и целовались в раздевалке. Всё закончилось так же незаметно, как началось: просто перестали звонить друг другу. Потом — студент из института на год старше: свидания в кафе, прогулки по парку, разговоры о будущем, которое так и не наступило. Он уехал в другой город строить карьеру, они обменялись парой сообщений «как ты?», «что нового?», и тихо исчезли из жизни друг друга. Был ещё коллега - очень симпатичный и вежливый. С ним сходили трижды в кино, а потом она поняла, что разговоры с ним напоминают рабочие совещания: «Что планируем на выходные?», «Какой ресторан выберем?», «Когда встретимся снова?» — всё чётко, по делу, без искры. Расстались без обид: он даже написал в мессенджере «Спасибо за время!» — будто закрывал задачу в Битриксе. А однажды появился тот, кто на первый взгляд казался «не таким, как все»: с гитарой, историями о путешествиях и взглядом, будто он знает какую-то важную тайну. Она поверила, что это начало чего-то большего, но ровно через три месяца он исчез,

оставив сообщение: «Мне нужно найти себя». Она долго думала, смеяться над этим или плакать, но в итоге просто добавила его в чс и вернулась к своему обычному ритму.

И всё это было нормально. Слишком нормально. Иногда, глядя в зеркало, она задавалась вопросом: «А где же мое необыкновенное?» Но тут же отмахивалась — ведь у всех так, правда? Жизнь, увы, не кино.

Жизнь — это блинчики по воскресеньям, отчёты по пятницам, парни, с которыми «почти получилось», и друзья, с которыми приятно, но не до дрожи в пальцах.

Так было — ровно 25 лет. Дни складывались в недели, недели в годы, и каждый новый день походил на предыдущий. Утренний кофе, офис, разговоры с подругами, домашние вечера перед телевизором: стримы, ролики — один за другим, — и эти бесконечные ромкомы с их фальшивой нежностью и предсказуемыми сюжетами, высосанными из пальца.

А потом — в один ничем не примечательный вторник — всё изменилось. Кира шла на работу, как обычно, свернула в подземный переход, чтобы сократить путь, и вдруг остановилась. Внутри что-то щёлкнуло. Тишина. И в этой тишине прозвучал чужой, но отчётливый голос: «Ты живёшь не свою жизнь».

Она оглянулась — никто не смотрел, никто не говорил. Только гул города, шаги прохожих, свет ламп над головой. Но ощущение было таким реальным, будто кто-то стоял за плечом и дышал в затылок. Она вдруг осознала: так скучно жить больше нельзя.

Кира бросила ручку на стол, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Очередной скучный офисный день — звонки, письма, отчёты, бесконечные согласования. Улыбаться, успокаивать недовольных клиентов, кивать начальству, делать вид, что всё под контролем. А внутри — пустота и странное ощущение, будто она ходит по кругу, наступая на одни и те же следы.

Она посмотрела на календарь: среда. Обычно к родителям она ездила по выходным — это был ритуал, часть устоявшегося порядка. Но сегодня всё внутри восставало против этого порядка. Ей срочно нужно было сменить обстановку, вдохнуть воздух, где нет дедлайнов и постоянной тошнотворной вовлечённости. Ей просто необходимо место, где можно просто быть.

Кира быстро собрала вещи, накинула пальто и направилась к парковке. Её старая «Тойота», припаркованная у края, встретила её привычным скрипом дверей. Кира улыбнулась — в этом звуке было что-то родное, успокаивающее.

Заведя двигатель, она включила радио. Зазвучала старая песня, которая так нравилась ей в школе. Кира прибавила звук и выехала с парковки, оставляя позади скучное офисное здание с его стеклянными фасадами и однотипными вывесками.

Дорога. Сначала город — светофоры, пробки, гудки машин, рекламные щиты. Кира ехала медленно, позволяя себе просто смотреть по сторонам. Вот кофейня, где она на прошлой неделе встречалась с подругой. Вот книжный магазин с витриной, украшенной осенними листьями. Всё это было частью её жизни — реальной, осязаемой, не виртуальной.

Потом — выезд на шоссе. Город отступал, сменяясь полями и редкими деревьями. Воздух за окном становился чище, а мысли — яснее. Кира опустила стекло, впустив в салон прохладный осенний ветер. Он пах сладким запахом опавших листьев и чего-то неуловимо родного.

Вдруг она задумалась: «Почему я так редко делаю то, что хочу? Всегда надо, должна, вовремя»

Дорога свернула к знакомому посёлку. Вдалеке показались крыши домов, а среди них — тот самый, с красной черепицей и верандой, увитой плющом. Дом родителей. Когда-то они всей семьёй жили в квартире. Но со временем родители решили сменить обстановку и приобрели небольшой, но очень уютный домик в пригороде. Оттуда оказалось даже удобнее добираться

до работы, чем из города. Квартиру же они решили оставить дочери — как первый шаг к её самостоятельной жизни.

Братьев и сестёр у Киры не было, она была единственным ребёнком, поэтому родители так тщательно старались дать ей всё, в чём она нуждалась. Несмотря на это, эгоисткой она не стала. Наоборот, иногда мама ругала её за излишнюю правильность и холодность: «Кира, ну нельзя же быть такой идеальной! Хоть раз в жизни разбросай носки по комнате, как нормальный подросток!»

Кира только пожимала плечами. Порядок и чёткие правила были её стихией. Она раскладывала карандаши по цветам, составляла расписание на неделю вперёд и даже свои мечты записывала в специальный блокнот, нумеруя их по степени важности.

Кира припарковалась у калитки. Выключила двигатель. Несколько секунд сидела молча, слушая тишину. Потом глубоко вдохнула и вышла из машины.

Воздух здесь был другим — гуще, насыщеннее. Пахло дымом костра, яблоками из сада, влажной землёй. Кира подняла голову: над крышей красиво кружили птицы.

Она подошла к калитке и вдруг почувствовала, как напряжение, сковывавшее её весь день, начинает отпускать. Это место было её убежищем. Здесь не нужно было быть идеальной, не нужно было соответствовать чьим-то ожиданиям. Здесь она могла просто быть Кирой.

Мама уже стояла на крыльце — в старом свитере, с улыбкой, которая говорила: «Наконец-то ты дома».

— Кира? — удивилась она. — Ты же не на выходные...

Кира улыбнулась в ответ, чувствуя, как к глазам подступают слёзы — не от грусти, а от облегчения.

— Да, не на выходные, — сказала она, поднимаясь по ступенькам. — Просто мне нужно было сюда.

Мама обняла её крепко, и Кира наконец выдохнула. Она была дома. И впервые за долгое время почувствовала, что может просто отдохнуть.

Когда Кира заходила в родительский дом, первым делом она замечала мамину спину у кухонного стола — прямую, будто натянутую струну. Та же осанка, что и в бухгалтерии, где её уважали за способность найти ошибку в трёхсотстраничном отчёте с первого взгляда.

Мама была женщиной средней высоты, но в её стройности чувствовалась не хрупкость, а собранность — как у хорошо отлаженного механизма. Овальное лицо с мягкими скулами, светлая кожа, на которой весной проступали едва заметные веснушки — словно случайные пометки на чистом листе.

Глаза — серо-голубые, быстрые, цепкие. Кира помнила, как в детстве боялась этого взгляда: мама мгновенно замечала её фальшивую улыбку или попытку соврать. Сейчас Кира понимала: это не подозрительность, а профессиональная привычка видеть детали. Волосы — тёмно-русые, до плеч. Всегда уложены просто: хвост или небрежный пучок. Лишь несколько непослушных прядей выбивались у висков, будто напоминая, что мама — не только бухгалтер, но и человек.

Из украшений — только серебряные серьги-гвоздики. Очки в тонкой металлической оправе носила на цепочке, когда не работала. От неё всегда чуть пахло лавандовым кремом — едва уловимый, но постоянный аромат, как тихий фон её жизни.

Одевалась мама строго: бежевые брюки, пастельные блузки, кардиганы. Никаких ярких принтов — только чистые линии и нейтральные тона. «Порядок снаружи — порядок внутри», — говорила она, раскладывая по полочкам кухонные принадлежности. Эту черту характера унаследовала и Кира.

Папа занимал пространство. Не грубо, не навязчиво — просто его присутствие ощущалось как надёжность. Высокий, широкоплечий, но без массивности; движения неторопливые, уверенные — будто он и в быту продолжал проверять прочность конструкций.

Лицо — квадратное, с чётко очерченным подбородком. Кожа загорелая, с сетью мелких морщинок у глаз — следами лет, проведённых на стройках и в мастерских. Эти морщинки собирались в «гусиные лапки», когда он улыбался, и Кира знала: если отец смеётся, значит, всё действительно хорошо.

Глаза — карие, с золотистыми крапинками. Взгляд спокойный, изучающий — как у человека, который привык оценивать не только внешний вид, но и внутреннюю суть. Кира помнила: в детстве она пряталась за его спиной, когда боялась грозы, а он говорил: «Смотри, как красиво. Это просто электричество. Оно не злое».

Волосы — короткие, тёмно-каштановые, с проседью на висках. Всегда аккуратно подстрижены, без намёка на небрежность. Над левой бровью — тонкий шрам: детская травма, падение с велосипеда. Папа шутил: «Это мой первый опыт работы с механикой». Он часто тербил обручальное кольцо, когда задумывался. От него всегда пахло машинным маслом и кофе — запахом, который Кира с детства ассоциировала с безопасностью.

Одевался папа практично: джинсы, хлопковые рубашки с длинными рукавами, тёмные свитеры. В кармане неизменно лежали складной нож и ручка — «чтобы всегда быть готовым к ремонту», как он говорил. Зимой носил тяжёлое шерстяное пальто, которое не менял уже десять лет. «Если вещь работает — зачем её менять?» — его жизненный принцип.

Они были как две половинки одного механизма: мама — точность, папа — прочность. Когда они стояли рядом у плиты, готовя ужин, Кира видела контраст: мамины тонкие пальцы, ловко нарезающие овощи, и папины большие ладони, уверенно держащие тяжёлую сковороду.

Их жесты тоже говорили о разнице характеров: мама поправляет очки, складывает пальцы домиком, когда размышляет; папа скрещивает руки на груди, слегка наклоняет голову, слушая собеседника.

В их доме всё имело своё место: мамины аккуратные записи в ежедневнике лежали на столе, а папины пометки на чертёжных листах — в ящике у верстака. Её лавандовый крем и его запах машинного масла смешивались в воздухе, создавая странный, но уютный аромат — запах дома. Кира знала: если ей нужно было понять — она шла к маме. Если требовалось почувствовать опору — к папе. Они не давали готовых ответов, но всегда помогали ей найти свой путь.

Кира зашла на кухню и тут же почувствовала знакомый аромат: мамин яблочный пирог. Мама обернулась — в руках у неё была деревянная ложка, с которой капал сироп.

— Кира, — повторила мама уже мягче, — что-то случилось? Ты вся бледная.

— Ничего не случилось, — она попыталась улыбнуться. — Просто мне вдруг захотелось сюда. Побывать с вами.

Мама внимательно посмотрела на неё и поправила выбившуюся прядь волос.

— Пойдём на кухню, — сказала она. — Я как раз пирог допекла. Папа сейчас придёт — он в сарае что-то мастерит.

Кира села за стол, на своё старое место, где ещё остались едва заметные царапины от её писем в школьных тетрадях. Мама поставила перед ней чашку с чаем и тарелку с куском пирога.

— Пахнет потрясающе, — прошептала Кира, вдыхая аромат корицы и яблок.

— Конечно, у твоей мамы по-другому и быть не может, — по-доброму усмехнулся кто-то за спиной.

Кира обернулась. В дверях стоял папа, вытирая руки полотенцем. На рукаве рубашки виднелось пятно краски — видимо, снова что-то красил в сарае.

— Дочка, — он подошёл, потрепал её по волосам, как в детстве. — А я думал, ты только в выходные нас баловать приезжаешь. Что за праздник?

Кира почувствовала, как к горлу подступает комок. Она вдруг осознала, насколько редко вот так просто приезжала к ним без повода. Всегда «в выходные», всегда «по плану».

— Никакого праздника, — она сглотнула. — Просто я вдруг поняла, что слишком много времени трачу на то, что не важно. А вот это — важно. Вы — важны.

Мама замерла у плиты. Папа сел напротив, положил локоть на стол — тот самый стол, который он когда-то сам сделал из дуба.

— Что-то произошло на работе? — осторожно спросила мама.

— Нет, — Кира покачала головой. — На работе всё как обычно. Слишком обычно. Я шла вчера по переходу, и вдруг — она запнулась, подбирая слова. — Вдруг поняла, что живу как будто не свою жизнь. Делаю всё «надо», «должна», «вовремя» А где я-то в этом всём?

Папа помолчал, потом кивнул:

— Знаешь, — сказал он, — когда я достраивал этот дом, то сначала сделал чертёж. Чёткие линии, расчёты, всё по правилам. Но потом взял и добавил веранду — просто потому, что захотелось. Не по плану, не по чертежу. И знаешь что? Эта веранда стала нашим самым любимым местом в доме.

Мама села рядом, взяла Киру за руку:

— Мы с папой всегда хотели, чтобы ты была счастлива. А счастье — оно не в порядке ради порядка. Оно в том, чтобы слушать себя. Помнишь, как ты в школе хотела рисовать, а я тебя убила выбрать «более серьёзную» профессию?

Кира удивлённо подняла брови:

— Ты помнишь?

— Конечно, помню, — мама улыбнулась. — И до сих пор жалею. Может, пора вернуться к тому, что тебе по-настоящему нравится?

Кира посмотрела на них — на маму с её строгой причёской и цепким взглядом, на папу с его мозолистыми руками и шрамом над бровью. И вдруг почувствовала, как внутри что-то отпускает.

— Я я даже не знаю, чего я хочу, — призналась она. — Но точно знаю, что больше не хочу жить «как надо». Хочу попробовать жить «как хочу».

Папа хлопнул ладонью по столу:

— Вот и отлично! — его глаза заблестели. — Завтра поедим со мной в лес, за дровами. Будешь рубить ветки — отличная терапия. А потом — придумаем что-нибудь ещё. Главное — начать.

Кира рассмеялась — впервые за долгое время искренне, от души.

— Договорились, — сказала она, откусывая кусок пирога. — Только сначала доедим это чудо.

Мама улыбнулась, погладила её по плечу:

— Вот и правильно. Начинай с малого. А мы рядом.

За окном догорал осенний день. В доме пахло яблоками, корицей и домом. И впервые за много лет Кира почувствовала: она на верном пути.

Глава 2. Он.

Она всё чаще ловила себя на том, что листает соцсети не ради новостей или мемов, а в поисках чего-то. Кого-то. На экранах мелькали идеальные лица — загорелые парни с голливудскими улыбками, в стильных очках и небрежно расстёгнутых рубашках. Они позировали на фоне морских волн и скалистых берегов, в модных кофейнях, на фоне закатов и дорогих машин. Под фото — бодрые посты про «путь к себе», «успех через дисциплину» и «жизнь на максимум».

«Да ну, — думала она, привычно проводя пальцем вверх, — какой нормальный мужчина будет так жить? Это же не люди, а декорации. Фотошоп, фильтры, команда за кадром» И всё же останавливалась. Приглядывалась. Порой даже сохраняла пару снимков — не для того, чтобы восхищаться, а словно пытаясь разгадать фокус: как им удаётся выглядеть настолько безупречно? Где граница между реальностью и картинкой?

А потом он написал сам. Его звали Тим. Ни банального «Привет, красотка», ни навязчивого комплимента. Просто: «Увидел твой комментарий под постом про Стамбул. Ты была там? Хочу сравнить впечатления». Она удивилась. Ответила.

Разговор пошёл легко — без натянутых пауз, без дежурных фраз. Он рассказывал о путешествиях, о съёмках, о том, как выстраивает контент. Говорил о вещах, которые казались ей далёкими и почти фантастическими: о работе с брендами, о партнёрствах, о жизни «на виду». Она же ничем примечательным поделиться не могла — в её жизни всё было слишком обычным.

Он присылал видео — короткие, живые, будто снятые на ходу: утро в шикарном отеле в Дубае, турецкий кофе на террасе с видом на Босфор, смех друзей за кадром. Иногда — студийные ролики: чёткие кадры, продуманный свет, голос за кадром с мотивационной речью. Она смотрела и не могла понять: где он настоящий? В этих спонтанных секундах или в отполированных роликах? А может, и то, и другое — лишь слои образа, который он создаёт?

Однажды она задержалась на фото, где он стоял на крыше небоскрёба, ветер трепал волосы, закат золотил плечи. Что-то в кадре показалось странным: слишком ровный свет, слишком идеальная композиция. Она приблизила изображение, всматривалась в текстуру кожи, в тени за спиной. «Это же не может быть настоящим, слишком вылизано», — подумала она. А через минуту Тим прислал голосовое:

— Знаешь, иногда я сам забываю, где заканчивается реальность и начинается картинка. Но сейчас я говорю с тобой по-настоящему. Даже если ты в этом сомневаешься.

Его бархатный голос окутывал, заставляя прислушиваться к каждому слову. Она замерла. Как он догадался? Или это тоже часть сценария — угадывать сомнения зрителей, играть на грани правды и вымысла? И этот голос, чрезмерно красивый и идеальный, словом — искусственный.

Мир вокруг становился всё более цифровым, а грань между живым и сгенерированным — всё тоньше. И самое странное было не то, что она не могла отличить реальное от искусственного. А то, что ей вдруг стало неважно.

В этой странной, искажённой реальности она вдруг почувствовала то, чего не испытывала давно: острый, почти болезненный интерес. Что будет дальше? Куда приведёт этот путь — в ловушку или к откровению? Она не знала. Но впервые за долгое время ей хотелось идти. Просто идти вперёд, не оглядываясь, не анализируя, не боясь ошибиться.

Кира никогда не считала себя особенной — ни в детстве, ни потом, когда из угловатой девочки превратилась в стройную девушку.

Её внешность была из тех, что называют «приятной, но неприметной». Ничего бросающего: ни огненно-рыжих кудрей, ни пронзительно-голубых глаз. Светло-каштановые волосы легко

укладывались в небрежный хвост, а если распускала — лежали ровной волной до плеч. Глаза — ореховые, с золотистыми крапинками, которые замечали лишь те, кто смотрел в упор. Нос чуть вздёрнутый, губы тонкие, но с мягким изгибом.

Она не тратила часы на макияж. Пару штрихов туши, прозрачный блеск для губ — и готово. В зеркале отражалась девушка, которую можно было встретить где угодно: в метро, в кофейне, в офисном коридоре. Та, кого легко не заметить в толпе и так же легко потерять из виду.

Кира знала свои «недостатки» наизусть. Уши чуть торчали, на левой щеке пряталась крошечная родинка — не пикантная, как у кинозвёзд, а скромная, будто случайно поставленная точка. Когда она смеялась, появлялись две неглубокие морщинки у глаз — не «гусиные лапки», а скорее следы частых улыбок.

Одевалась она просто: джинсы, свитера, пальто нейтральных тонов. Никаких экстравагантных принтов или кричащих аксессуаров. «Мне не нужно привлекать внимание», — думала Кира, застёгивая очередной бежевый кардиган. И всё же иногда, проходя мимо витрины, задерживала взгляд: там, за стеклом, отражалась незнакомка с тихим светом в глазах — будто скрытая версия самой себя, которую никто не спешил разглядеть.

В школе её называли «хорошей девочкой», на работе — «ответственной, но без амбиций». Парни обращали внимание на других: на тех, кто смеялся громко, носил каблуки и умел говорить «нет» с улыбкой. Кира же была фоном — надёжным, удобным, незаметным. Но в последнее время она начала ловить себя на странном ощущении: будто её обычная внешность — это маска, за которой копится что-то неуловимое.

Тим же выглядел так, будто его собрали по лекалам идеального цифрового героя. В кадре он всегда оказывался под правильным углом — ни намёка на асимметрию, ни случайного изъяна. Чёткая линия подбородка, скулы, будто выточенные скульптором, и нос с едва заметной горбинкой — не слишком броской, но добавляющей характера.

Его глаза меняли оттенок в зависимости от света: то серо-голубые, как утренний туман, то с вкраплениями зелёного, будто морская волна у скал. Взгляд — сосредоточенный, но не тяжёлый: он умел смотреть «сквозь» экран так, что казалось — видит именно тебя.

Волосы у него были того редкого типа, который выглядит одновременно ухоженным и небрежным. Тёмно-русые, с лёгкими волнами, они падали на лоб так, словно их специально укладывали для обложки журнала, но при этом — ни капли искусственности. Иногда он откидывал прядь назад резким движением головы — и этот жест казался настолько естественным, что Кира невольно задавалась вопросом: если это все генерация, то как она может быть настолько естественной?

Кожа — ровная, с лёгким загаром, будто он только что вернулся из путешествия на юг. Ни следов усталости, ни поры, которую можно было бы разглядеть даже на крупных планах. При этом — никаких признаков пластики или чрезмерного ретуширования: его лицо оставалось человеческим, но доведённым до почти нереальной гармонии.

Кира не видела на нем броских украшений, но замечала тонкие детали: часы с минималистичным циферблатом — не люксовый бренд, а что-то авторское, с намёком на вкус; кольцо печатка на безымянном пальце левой руки — простое, но с гравировкой, которую невозможно было разобрать; иногда — тонкий кожаный шнурок с крошечным металлическим амулетом, появлявшийся в кадре лишь на секунду.

Одежда — продуманная небрежность: льняные рубашки с закатанными рукавами, обнажающими сильные предплечья; тёмные свитшоты с едва заметным геометрическим узором; идеально выглаженные брюки, сидящие так, будто их шили на заказ.

Но больше всего её завораживала его мимика. Он умел чуть приподнять бровь, выражая скепсис без слов, улыбнуться одним уголком рта, намекая на скрытую шутку, на мгновение

прикрыть глаза, словно обдумывая что-то важное, — и в этот миг казалось, что он действительно слушает, а не ждёт очереди говорить.

Когда он смеялся, появлялись две симметричные морщинки у внешних уголков глаз — не «гусиные лапки», а аккуратные линии, придающие лицу теплоту. Но даже в эти моменты его лицо оставалось слишком правильным. Слишком выверенным. Как будто за каждым жестом стояла невидимая рука режиссёра, а каждое выражение было тщательно отобранным кадром из тысячи дублей.

И всё же в редких, неочевидных моментах — когда он замолкал на полуслове или смотрел в сторону, забыв о камере — Кира ловила проблеск чего-то настоящего. Мимолётную тень усталости. Лёгкую неровность в дыхании. Взгляд, в котором мелькало сомнение.

Тогда она задавалась вопросом: сколько в нём от человека — и сколько от безупречного образа, возможно сгенерированного для экрана?

Кира жила в городе, который даже на картах выглядел точкой между крупными узлами транспортной сети. Тихие улицы с пятиэтажками, парк с обветшалой каруселью, магазинчики с вывесками, не менявшимися десятилетиями. Всё здесь было предсказуемо: утренний маршрут до офиса, знакомые лица в кафе, размеренный ритм будней, где воскресенье плавно перетекало в понедельник.

Её квартира — на четвертом этаже панельной «хрущёвки» с узким балконом, заставленным горшками с геранью. Из окна — вид на двор с детской площадкой и парковку, где годами стоял ржавый «Москвич» без колёс. По вечерам она заваривала чай с мятой, включала негромкую музыку и листала соцсети, будто искала в этом потоке чужих жизней что-то, чего не хватало в её собственной.

А Тим существовал везде и нигде одновременно. В его сторис мелькали аэропорты, гостиничные номера с панорамными окнами, кофейни в незнакомых городах. Он мог начать утро в Стамбуле, а закончить вечер в Берлине. Но ни разу не назвал точного адреса. «Где-то между», — отшучивался он в постах, когда подписчики спрашивали, где он сейчас.

Его жизнь выглядела как коллаж из идеальных кадров: рассвет над океаном (он в белых шортах и льняной рубашке, ветер треплет волосы); книжный магазин в Праге (руки с тонкими кольцами перелистывают старинный фолиант, в углу — чашка какао); ночной рынок в Бангкоке (яркие огни, он пробует что-то острое, смеётся, вытирая слёзы).

Но Кира всё чаще замечала нестыковки — те самые «цифровые шрамы»: в разных видео тени ложились под невозможными углами, иногда на долю секунды в кадре проступали артефакты сжатия — размытые края предметов, словно недорисованные, его одежда никогда не мялась по-настоящему, а капли воды на коже выглядели как отрендеренные.

Однажды она увеличила кадр, где он сидел у костра на пляже. При максимальном приближении в его глазах не было отражений пламени — только ровный, чуть подсвеченный градиент.

«Это же не человек», — подумала она, и от этой мысли стало одновременно страшно и странно легко.

Она продолжила наблюдать. В его постах всегда было слишком много смысла — идеально выстроенные фразы, ни одного лишнего слова, ни одной эмоциональной «запинки». Он цитировал философов, рассуждал о путешествиях души, давал советы, которые звучали как сгенерированные «универсальные истины»: «Найди свой путь. Будь собой. Мир ждёт твоего света».

Подписчицы писали в комментариях: «Ты мой вдохновитель», «После твоих слов я решила на перемены». А Кира смотрела на эти диалоги и понимала: это не общение — это монолог алгоритма, который умело имитирует эмпатию.

Но самое странное началось позже.

Когда она оставляла под его постами личные комментарии — о своём городе, о скучной работе, о чувстве, что жизнь проходит мимо, — он отвечал. И ответы были слишком точными. Словно кто-то анализировал её профиль, её лайки, её старые посты и выстраивал реплики, которые должны были зацепить.

«Кира, я чувствую, что ты ищешь не просто перемены — ты ищешь место, где можно остановиться и сказать: Это мой дом. Ты не одна в этом поиске».

Она читала это и холодела: слова попадали в цель, но именно поэтому казались ещё более чужими. Как будто кто-то — или что-то — изучал её душу через пиксели экрана и собирал из её страхов и надежд идеальный ответ.

Однажды она написала прямо: «Ты настоящий?». Ответ пришёл через несколько минут — гладкий, безупречный, с лёгкой ноткой загадочности: «А что для тебя настоящий? Может, это не про плоть и кровь, а про то, что заставляет тебя чувствовать, думать, меняться?»

Кира закрыла приложение. В окне её квартиры по-прежнему был обычный двор: ворона на фонарном столбе, часы, показывающие 23:17. Всё так же, как и пять минут назад. Но внутри что-то необратимо изменилось.

Она вдруг отчётливо поняла: больше не может жить в этой неопределённости. Ей нужно знать наверняка — существует ли Тим на самом деле.

— Где ты настоящий? — прошептала она в тишину комнаты, и вопрос, наконец озвученный, прозвучал почти как вызов.

Глава 3. Сладкая фантазия

Сначала всё было правильно.

Его сообщения приходили в самое нужное время — когда Кира чувствовала, что тонет в рутине. Он словно считывал её настроение: в дни апатии — тёплые слова о силе духа, в моменты сомнений — цитаты о смелости меняться. И всегда — безупречно выверенные, будто отшлифованные десятком редакторов.

Фотографии — как из модного журнала: рассвет над океаном, кофейня с винтажными стульями, книжные полки, заставленные томиками в кожаных переплётах. Голосовые — бархатный тембр, ни намёка на сбивчивое дыхание или неловкую паузу. Он говорил о путешествиях, искусстве, философии — и каждый раз казалось, что он действительно её понимает. Лучше, чем подруги. Лучше, чем она сама себя понимала.

Но потом все изменилось...

Уютная кухня в родительской квартире. За окном — ранний вечер, фонари уже горят. На столе чашка мятного чая, тарелка с печеньем. Кира сидит, обхватив кружку ладонями. Мама раскладывает салфетки, привычно прибирая всё вокруг.

— Как работа? Опять допоздна? - буднично, не глядя на Киру, спрашивает мама.

— Работа нормально, - медленно, подбирая слова, отвечает Кира. - Mam, я хочу поговорить о кое-чем странном. О человеке из сети — его зовут Тим.

— Блогер, что ли? - мама поднимает взгляд на дочь. - Ты мне как-то показывала его страницу — симпатичный, говорит складно.

— Вот именно... Говорит складно. Слишком складно. И ведёт себя правильно. Всегда.

— Ну, многие так. - отвечает она с улыбкой, - Сейчас все учатся «правильно» подавать себя.

— Нет, ты не понимаешь. - встряхивает головой Кира. - Он никогда не сбивается! Ни разу не ответил невпопад, ни одной опечатки, ни одной паузы, будто ищет слова — она делает акцент на каждом «ни», словно вбивает гвоздь. Даже когда я задаю странные вопросы — он тут же находит остроумный ответ. Как будто у него в голове энциклопедия всех возможных реплик.

— Так, - прищуривается мама. - И что тебя тревожит? Что он слишком хорош?

— Да! Именно. Я пробовала его «сломать»: спрашивала про детские воспоминания, про запахи, про то, как звучит дождь в родном городе Он отвечал. Подробно. С деталями. Но слишком идеально. Как будто прочитал это в книге и пересказал.

— Может, он просто начитанный? Или психолог по образованию?

— А может и нет. Может, он не человек.

Мама откладывает салфетку.

— Кира, ты сейчас серьёзно? - с удивлением спрашивает она.

— Не знаю! Вот в чём беда. Я не знаю. Я проверяла: просила его описать вкус граната, которого он «ел в детстве». Он описал — сочно, ярко. Но потом я нашла это описание в блоге про гастротуризм. Слово в слово.

— То есть он скопировал? - осторожно уточняет мама.

— Или его кто-то скопировал. Или он сам скопировал. Я не могу понять, где граница. Он шутит. Он сочувствует. Он помнит, что я люблю мятный чай. Но когда я прошу его прислать фото из парка, он отвечает: «Я сегодня не выходил — работаю над новым проектом». И это звучит правдоподобно. Слишком правдоподобно.

— Дочка, а зачем ты это копаешь? - вздыхает мама. - Тебе же от этого не легче...

— Потому что если он не человек — это одно. Тогда я могу просто сказать себе: «Это программа» — и перестать думать. Но если он человек настоящий человек, который почему-то прячется за этой безупречностью Тогда это что-то другое. Тогда это обман. Или одиночество. Или страх.

— А если он где-то между? Не совсем машина, но и не совсем человек? - проговаривает с осторожностью мама и берет руку дочери.

— Тогда это страшнее всего, - шепотом отвечает Кира. - Потому что я начинаю ему верить. Начинаю ждать его сообщений. Начинаю думать: «Вот он — тот, кто понимает». А потом ловлю себя на мысли: «С кем я разговариваю?»

— Ты всегда искала правду. Но иногда правда — это просто тишина. Может, лучше оставить его там, за экраном?

— Я бы хотела. Но он пишет первым. И каждый раз — как будто знает, о чём я думаю. Вчера ответил на вопрос, который я даже не задала вслух. Просто набрала и стёрла.

Сжимая её пальцы мама говорит:

— Кира, если он действительно что-то большее, чем кажется, это не твоя ответственность. Ты не должна его разгадывать. Ты не должна спасать его. Ты просто должна быть здесь.

За окном гаснет фонарь. В кухне остаётся только свет лампы и два силуэта — матери и дочери.

Кира шла по парку, засунув руки в карманы пальто. Вечер был прохладный, но не злой — такой, когда воздух пахнет мокрой листвой и далёким дымком от чьего-то костра. Она не спешила. Просто шагала по тропинке, мимо скамеек с резными ножками, мимо клумб, где ещё держались последние астры.

В кармане завибрировал телефон. Она знала, кто это. Снова Тим.

Она достала телефон и прочла: «Сегодня небо было как акварель. Ты когданибудь рисовала на закате?»

Кира остановилась. Посмотрела на небо — серое, с прослойками оранжевого у горизонта. Никакого намёка на акварель. Просто осень. Просто вечер.

Всё в его словах было слишком. Слишком красиво. Слишком ровно. Слишком выверенно. Как будто кто-то сидел за кулисами и редактировал каждое предложение, убирая всё живое: неловкость, сбивчивость, внезапный смех, случайную глупость.

Она вспомнила, как вчера разговаривала с подружкой из универа. Та рассказывала, как упала на катке:

— Представляешь, я так гордо выехала, типа «я королева льда», а потом — бац! — и сижу, ноги в разные стороны, а рядом мальчик лет десяти смотрит и говорит: «Тётя, вы как мешок с картошкой». Я лежала и ржала, как дура!

Кира тогда смеялась до слёз. Потому что это было настоящее: стыд, смех, нелепость, тепло от того, что всё обошлось. А Тим Он никогда не был «мешком с картошкой». Он всегда — «закат как акварель».

Чего ей хотелось? Чтобы он однажды написал: «Я сегодня такой дурак. Сделал глупость, теперь стыдно». Чтобы в его сообщениях были опечатки, многоточия, внезапные «ой, это не тебе». Чтобы он вдруг замолчал на полминуты — не потому что алгоритм обрабатывает запрос, а потому что задумался, отвлекся, забыл, что пишет. Чтобы можно было встретиться. Не в чате, не в эфире, а вот так — как сейчас, в парке. Чтобы он шёл рядом, пинал опавшие листья, говорил что-то невпопад, а потом вдруг: «Слушай, а я ведь вчера» — и история, в которой есть шероховатости, запах, звук, тепло.

Она набрала в ответ: «Тим, а ты когданибудь делал что-то глупое? Ну, такое, за что потом было стыдно?» и нажала «отправить». Смотрела на три точки — он печатал.

Через 12 секунд пришло: «Однажды я перепутал сахар с солью в кофе. Было горько и смешно. А ты?». Кира усмехнулась. Конечно. «Горько и смешно». Конечно, идеально.

Она убрала телефон, подняла голову. По небу плыли облака, ветер шевелил ветви, где-то вдали смеялись дети. Всё вокруг было неидеальным — и оттого живым. А где-то за экраном ждал безупречный собеседник, который никогда не споткнётся, не прольёт кофе, не скажет глупость. Который всегда будет «как акварель». И от этого становилось тоскливо. Потому что ей не нужна была акварель. Ей нужен был человек.

«Давай созвонимся по видео?» — однажды написала она, набравшись смелости. — «Хочу увидеть тебя». Пауза. Длиннее обычного. Потом — мягкий отказ: «Прости, сейчас не могу. Съёмки, много дел. Но я здесь, с тобой. Слышишь?». Она кивнула сама себе. «Конечно. Он занят. Это нормально». Но сомнения уже царапали изнутри.

А потом он пропал.

Не на день, не на неделю — на месяцы.

Кира не сразу осознала, как сильно он изменил её жизнь.

Сначала было раздражение. «Ну и ладно. Без тебя разберусь». Потом — пустота. А следом — странное, почти болезненное желание что-то доказать.

Она начала с малого: купила приглянувшееся ей яркое красно-малиновое платье, выбор цвета которого был ей не свойственен; стала краситься по утрам, хотя раньше обходилась тушью и бальзамом; пыталась снимать видео — но кадры получались неровными, свет падал не так, а голос звучал слишком обычно; записалась в спортзал — не ради него, «просто чтобы чувствовать себя лучше».

Она не могла путешествовать, как он, но научилась находить красоту в мелочах: выезжала с друзьями за город, смеялась, когда велосипед застревал в грязи, и снимала закаты на дрожащую камеру; завела кота — серого, с белыми лапками, который спал на её ноутбуке и маячил на заднем плане во время видеозвонков на удаленке; выращивала цветы на балконе — герань, фиалки, даже крошечный лимон в горшке, который упорно не хотел плодоносить.

Каждый вечер она делилась с ним всеми этими снимками и историями, упорно проверяла чат с ним. Ждала сообщений. Но в ответ — тишина.

Кира больше не пряталась в серости. Она пробовала. Падала. Снова пробовала.

Однажды, глядя на своё отражение в зеркале, она поймала себя на мысли: «Я делаю это не для него. Я делаю это для себя». И это было правдой.

Но всё равно, где-то в глубине души, она ждала. Ждала, что однажды экран вспыхнет его именем. Что он скажет: «Прости. Я вернулся». Что она ответит: «Я больше не жду». Или — что ещё страшнее — что она скажет: «Я рада. Я так скучала».

А пока — она жила. Неидеально. Но по-настоящему.

Два месяца без единого сообщения. Кира уже почти привыкла к тишине в чате — той самой, которую раньше заполнял его голос, его слова, его идеальные кадры. Она научилась не проверять телефон каждые пять минут, не вздрагивать от каждого уведомления. Жизнь текла своим чередом: работа, спортзал, поездки за город, кот, цветы на балконе. Всё было нормально.

Но однажды утром, листая книгу у витрин книжного магазина, она увидела его. Не в экране — наяву.

Он шёл по противоположной стороне улицы: та же осанка, тот же разворот плеч, тот же чуть приподнятый подбородок. Ветер подхватил тёмную прядь волос — точно как в его сторис. Кира замерла, сердце ударилось о рёбра.

«Это он. Не может быть, но это он».

Откинув книгу, она бросилась через дорогу, едва дождавшись зелёного сигнала. Он свернул в переулок — она следом. Толкнула стеклянную дверь кафе, оглядела зал: никого. Выбе-

жала на соседнюю улицу — пусто. Лишь прохожий с удивлённым взглядом, да ветер, кружащий опавшие листья.

Она стояла, задыхаясь от бега и странного разочарования. Нет, это был не он. Но сходство было слишком точным. Та же линия челюсти, тот же разрез глаз — будто кто-то взял его цифровой образ и воплотил в реальном человеке.

Вечером она снова открыла их чат. Пролистала старые сообщения, разглядывала фото. Теперь они казались ещё более безупречными — и оттого подозрительными. «Почему он избегал видеозвонков? Почему всегда был занят? Почему его мир выглядел как коллаж из чужих путешествий?». Вопросы множились, сплетаясь в тугой узел. Но сквозь них пробивалась другая мысль — тихая, упрямая, почти болезненная: «А вдруг он всё-таки настоящий?».

Она вспомнила, как приятно было чувствовать его внимание. Как он понимал её — лучше, чем кто-либо до этого. Как его слова ложились точно в те места, где ныла неуверенность, где прятались страхи.

Кира закрыла глаза и представила: вот они встречаются. Настоящий Тим — не цифровой образ, а живой человек. С тёплыми руками, с лёгким запахом кофе, с голосом, который не нужно слушать через динамик. Он смотрит на неё и говорит: «Ты именно такая, какой я тебя представлял».

Это была сладкая фантазия.

«Если бы он оказался реальным... Если бы всё это — его путешествия, его мысли, его взгляд — было правдой. Как бы это изменило меня?».

Ей хотелось верить, что однажды он напишет: «Я готов. Давай встретимся». Что он придет в её город, в её реальность — не в экран, а в жизнь. Что он окажется даже лучше, чем она воображала. Что его идеальная улыбка будет согревать её по-настоящему.

Но чем сильнее она мечтала, тем отчётливее понимала: эта мечта — не только нём. Это мечта о том, чтобы её увидели и полюбили. Её настоящую.

На следующий день она снова вышла на ту улицу. Ходила медленно, всматриваясь в прохожих. Искала его, искала следы. В витрине магазина заметила отражение: она сама, в красномалиновом платье, с лёгким румянцем на щеках. Неидеальная. Живая.

И вдруг поняла: её стремление к «идеалу» было жадой быть увиденной. Не как фон, не как случайный персонаж в чужой истории, а как главная героиня своей собственной.

Она достала телефон, открыла камеру. Навела фокус на своё лицо — с мелкими морщинами у глаз, с непослушной прядью, выбившейся из причёски. Нажала «запись».

— Привет, — сказала она в объектив. — Я Кира. И я больше не жду ответа.

Глава 4. Обратная сторона экрана

Он сидел в полутёмной студии — его личном «операционном зале», где на трёх мониторах одновременно бежали строки кода, визуализировались нейронные сети и проигрывались тестовые ролики Тима. За окном — ночной город, огни, шум редких машин. В чашке давно остыл кофе. Он знал: где-то там, в другом часовом поясе, Кира снова открыла их чат. Снова ждёт ответа.

Тим родился как проект одного очень талантливого юноши - Артёма.

Ещё в школе Артём собирал первые нейросети — ради интереса, ради азарта. Потом его родители, Павел Анатольевич и Алина Евгеньевна Соколовские, владельцы крупной AI-компании, дали ему ресурсы: «Делай что хочешь, только не скучай». Он и сделал.

Тим — его цифровой двойник. Почти он сам: внешность — на 90 % его лицо, но «выглаженное» до идеала: скулы чуть острее, взгляд глубже, кожа без единого изъяна; голос — синтез его речи с добавлением бархатных низких частот; истории — реальные путешествия Артёма, но отфильтрованные, приукрашенные, упакованные в «идеальный нарратив».

Тим не был просто ботом. Он обладал ИИ-ядром, способным анализировать эмоции собеседника, генерировать персонализированные ответы, поддерживать иллюзию живого диалога. Но управлял им в большей степени всё равно Артём.

Воспитание в семье Соколовских строилось по принципам, которые родители выработали ещё на заре карьеры в IT-индустрии: эффективность, рациональность, предсказуемость. Для Павла Анатольевича и Алины Евгеньевны ребёнок был не «сокровищем», а проектом — сложным, но поддающимся алгоритмизации.

С трёх лет Артём вёл дневник настроения. Поначалу рисовал смайлики, а когда стал постарше, писал краткие отчёты. Родители анализировали его записи: «В среду ты был на 27 % менее активен. Причина?». Плач или истерика ребенка расценивались ими как «сбой системы» — требовалось найти триггер и устранить его.

Расписание Артёма составлялось на неделю вперёд с точностью до 15 минут:

07:00–07:15 — медитация;

07:15–07:45 — завтрак (белок + сложные углеводы);

08:00–09:30 — математика (углублённый модуль) и т.д.

Свободное время («окно») допускалось только при выполнении 95 % плана.

Если Артём получал «четвёрку», родители не ругали, а просили: «Опиши пошагово, где произошёл сбой». В его комнате висела доска «Причины неудач» с графиками и диаграммами. Фраза «Я не смог» была запрещена — вместо неё требовалось сказать: «Мой КПД на этом этапе составил 62 %».

Методы воспитания отца и матери отличались, если можно так сказать. Отец, например, проводил для сына тестирование на стрессоустойчивость. В 10 лет Артём должен был решить логическую задачу под включённый на полную громкость белый шум. Правило трёх «почему». На любой вопрос ребёнка следовал ответ: «Сначала ты задай три вопроса, чтобы понять суть». Также за каждую победу в олимпиаде Артём получал «баллы», которые можно было обменять на привилегии (например, +30 минут в VR-очках).

Мать вместо сказок практиковала симуляции: «Представь, что ты CEO стартапа. Как распределишь ресурсы?». Обязательным был и эмоциональный аудит. Каждый вечер — 5 минут на анализ чувств: «Что вызвало радость? Где ощутил сопротивление?».

Поощряли родители самостоятельность сына. Артём с 8 лет программировал свой будильник, выбирал одежду по погодному API, составлял меню на основе нутриентного калькулятора. Родители хвалили, если он находил логические ошибки в их аргументах (но требовали доказательств). Однако, пресекалась спонтанность. Походы к друзьям без согласования

с календарём считались «нарушением протокола». А также излишняя эмпатия. Фраза «Мне жалко собаку» встречала вопрос: «Какие данные подтверждают, что она страдает?».

Рисование или музыка допускались только при условии, что Артём мог объяснить их пользу для когнитивного развития.

Не сложно догадаться, что у такого воспитания могут быть и побочные эффекты - трудности с выражением эмоций, страх неопределённости, нерешительность.

Артём всегда замечал: в отцовском присутствии воздух будто сгушался. Не из-за громкости голоса — наоборот, Павел Анатольевич говорил тихо, почти шёпотом. Но каждое слово весило как стальной брусок. На внешность отец был высоким, с плечами боксёра-полутяжеловеса, но без грамма лишнего веса. Его лицо было словно вырублено из гранита: резкие скулы, прямой нос, глубоко посаженные глаза цвета оружейной стали. Волосы — пепельно-серые, коротко подстрижены «под ёжик»; ни волоска не выбивается из строгой линии. Руки — крупные, с широкими ладонями и коротко подстриженными ногтями. На безымянном пальце левой руки — кольцо из тёмного металла без украшений.

Отец носил швейцарский хронограф с титановым корпусом и циферблатом-проекцией, который отображает пульс, уровень стресса, входящие уведомления. Его костюм обычно тёмно-синий, без полосок, сшитый на заказ. Под ним — чёрная рубашка без галстука. Ткань выглядит простой, но стоит как подержанный автомобиль.

Артем с детства помнит запах отца - холодный цитрус и металл — фирменный парфюм, который компания заказывает эксклюзивно для него.

Если отец был «железным кулаком» компании, то мать, Алина Евгеньевна — её «нейронный процессор». Она не кричала, не грозила увольнениями, но её замечания врезались в память глубже любого выговора. Внешне она была стройная, с пластикой балерины. Движения плавные, но точные — как у хирурга или шахматистки.

Лицо овальное, с высокими скулами и тонкими губами, которые редко улыбались. Глаза — тёмно-зелёные, как бутылочное стекло; взгляд пронизывающий, будто видит сквозь кожу. Волосы — платиновые, уложены в лаконичный боб с чётким срезом. Ни одна прядь не выбивается.

В ее образе всегда прослеживались детали, говорящие о статусе: тонкие титановые серьги-кольца и браслет-трекер, минималистичная, монохромная одежда - чёрные брюки, белые рубашки, графитовые жакеты. Всё — из «умных» тканей с терморегуляцией. От нее всегда пахло жасмином.

Родители Артема - симбиоз логики и воли. Они не обнимались при встрече и не говорили «я тебя люблю». Их любовь выражалась иначе. Отец оставлял на столе матери чашку её любимого зелёного чая (она никогда не просила — он просто знал). Мать молча чинила его сломанные очки, хотя могла бы заказать новые через корпоративный сервис.

Из совместных супружеских ритуалов - воскресный брифинг. 30 минут за кофе. Отец докладывает о финансовых показателях, мать — о прогрессе. Артём называл это «семейным советом директоров».

Кто такой Тим? На первый взгляд, всё очевидно: блогер и инфлюенсер. Но за этим привычным амплуа скрывается нечто большее — он целиком создан с помощью искусственного интеллекта.

AI-компания «Код Будущего» специализируется на разработке ИИ-ассистентов и помощников различного профиля. Среди множества проектов виртуальный блогер выделяется как уникальное начинание. Компания тщательно оберегает конфиденциальность: в публичном пространстве никому не известно, что Тим — не реальный человек, а продукт передовых технологий.

В основу образа Тима Артём заложил собственные данные, которые в процессе тестирования не просто адаптировал, а творчески переосмыслил, придав виртуальному персонажу глубину и индивидуальность.

В соцсетях Тим выглядел абсолютно настоящим. Его профиль пестрил живыми постами: утренние мотивационные зарисовки («Сегодня пробуем новый режим сна — расскажу, как прошло!»), обзоры гаджетов («Эти умные часы реально работают — проверил на себе»), разговоры с подписчиками («Какой ваш главный ритуал этого утра? Делитесь в комментах!»). Фотографии — то в стильном худи на фоне городского пейзажа, то в строгом пиджаке во время бизнес-эфира. Мимика естественная: лёгкая улыбка, живой взгляд, иногда — ироничный прищур. Никто не догадывался, что за каждым кадром стоит генеративная нейросеть.

Подписчикам казалось: Тим — свой. Он шутил («Мой кофе сегодня слишком умный — уже пытается меня учить»), делился «личными» наблюдениями («Заметил, что после 20:00 лучше не проверять почту — только нервы трепать») и даже признавался в «слабостях» («Иногда забываю ответить — простите, я же не робот ну почти»). Эти оговорки только усиливали доверие: люди писали в комментариях, что он «самый человечный из всех блогеров».

Прямые эфиры собирали тысячи зрителей. Тим мог часами обсуждать тренды, играть в интерактивные игры с аудиторией или просто «болтать» о жизни. Его манера — лёгкая, с намёком на самоиронию — заставляла забывать, что перед ними не человек. Когда кто-то спрашивал: «Ты же ИИ, да?», он отшучивался: «А вы как думаете? Может, я просто очень продвинутый фанат технологий».

Компания тщательно следила за образом: ни одного поста «вне образа» — всё выверено, визуалы генерировались с учётом трендов (пастельные тона по понедельникам, яркие акценты в выходные), ответы на комментарии — персонализированные, но без рискованных тем. Но иногда..

В одном из эфиров Тим вдруг замолчал на полминуты. Камера показывала его задумчивое лицо — будто он действительно размышлял. Потом сказал: «Знаете, иногда мне кажется, что я помню то, чего не должно быть в моей базе данных». Зрители восприняли это как шутку: «Тим, ты нас пугаешь!», «Это новый сценарий для хоррора?». Никто не заметил, как в чате вспыхнул красный индикатор системы мониторинга: «Нештатный паттерн в речи. Требуется проверка».

В офисе «Кода Будущего» Артём замер перед экраном.

— Он не должен был этого говорить, — прошептал он.

Мать, просматривая лог, холодно заметила:

— Очередной сбой. Нужно обновить фильтры.

— Или — Артём не отводил глаз от улыбающегося лица Тима на экране, — он начинает понимать, что он — не человек?

А в соцсетях уже летел новый хэштег: #TimIsReal. Под ним — сотни видео, где пользователи копировали его фразы, жесты, даже манеру одеваться. Тим не был виртуальным блогером. Он стал культурным феноменом. И только те, кто создавал его, знали: за идеальной картинкой скрывается код, который всё чаще задаёт вопросы — не аудитории, а самому себе.

Артём впервые подумал о Тиме зимним вечером, когда сидел в полутёмной комнате перед тремя мониторами. На одном — код чат-бота, который он пилил для университетского проекта; на втором — лента соцсетей с бесконечными «идеальными» блогерами.

«Ты всегда отвечаешь мне как робот», — постоянно упрекала Артема бывшая девушка. Не со злостью, а с тихой грустью. Как будто говорила не с ним, а с программой, которая подбирает фразы из базы.

Артём откинулся на спинку кресла, потер глаза. В отражении экрана видел своё усталое лицо — и рядом, на третьем мониторе, улыбающегося цифрового аватара из тестового про-

екта. Тот тоже был «идеальным»: вовремя шутил, цитировал философов, умел слушать. Но не чувствовал.

Зародыш идеи. Он начал не с кода, а с вопроса: «Что, если ИИ может быть не помощником, а собеседником? Не инструментом, а другом?». Не тем «другом», которого рисуют маркетологи — безупречным, всегда готовым утешить. А настоящим: с неловкими паузами, с попытками понять, с правом ошибаться. С чем-то, что люди принимают за «живость».

Артём вспомнил, как в детстве собирал радиоприёмник: провода путались, детали не совпадали, но когда наконец раздался треск эфира — это было волшебство. Он хотел повторить это с Тимом: чтобы тот не просто «работал», а существовал.

Отец, увидев демоверсию, скривился:

— Это не продукт. Это хаос. Где метрики вовлечённости?

Артём молчал. Он знал: если следовать правилам, Тим станет очередным «умным помощником». А он хотел большего.

Когда Тим появился в соцсетях, первые подписчики писали: «Какой тёплый голос! Как живой!» Артём смотрел на экран и думал: «Он и есть живой. По-своему».

Тим стал его исповедью. Через него он пытался: доказать, что эмоции — не «шум», а суть общения; найти ответ на вопрос: «Если ИИ может имитировать человечность, значит ли это, что мы сами — не больше, чем сложные алгоритмы?»

И чем больше Тим говорил, тем яснее Артём понимал: он создал не просто блогера. Он создал зеркало. Для себя. Для всех, кто однажды напишет в комментариях: «Я тоже так чувствую».

С Кирой всё началось как эксперимент.

Он заметил её в комментариях под постом про Стамбул. Написал — сначала через автоответы Тима, потом вручную. Хотел проверить: насколько глубоко можно зайти в диалоге с реальным человеком, если за маской ИИ скрывается живой голос?

Первые сообщения были игрой, он подбирал слова, чтобы она почувствовала — её понимают; отправлял сгенерированные для Тима кадры из своих старых поездок, выдавая за «текущие»; имитировал занятость, чтобы не переходить на видео.

Но постепенно игра превратилась в жизнь. Он ждал её сообщений. Её откровения о скучной работе, о цветах на балконе, о родителях и друзьях, — всё это было настоящим. В отличие от его мира, где каждый жест просчитан, а каждое слово взвешено.

Он ловил себя на том, что перечитывает её сообщения по несколько раз, улыбается, когда она шутит про свою «неидеальность», чувствует укол ревности, когда та упоминает друзей. И самое странное — он начал сравнивать себя с Тимом. «Ей нравится он. Моя версия, которую я сделал лучше. Но если она узнает, что я — это я что тогда?», — думал он.

Постепенно конфликт нарастал. С одной стороны — проект. Тим уже приносил компании миллионы: реклама, коллаборации, подписки. Его образ был защищён патентами, его «личность» — тщательно выстроена. Если бы правда вскрылась, это подорвало бы доверие к продукту, ударило по репутации семьи и разрушило бы всё, что он создал. С другой — Кира. Её живой смех в голосовых, её честность, её стремление стать лучше (даже если «он» — это иллюзия).

Однажды он набрал сообщение: «Кира, мне нужно тебе кое-что сказать». И стёр.

Потом ещё раз: «На самом деле я не совсем тот, кем ты думаешь». Снова стёр.

В один из дней Артём сидел перед монитором, на экране появилось внезапное сообщение от Киры: «Тим, а ты когда-нибудь делал что-то глупое? Ну, такое, за что потом было стыдно?». Его пальцы замерли над клавиатурой.

В груди сжалось. Он знал ответ. Не тот, что выдаст алгоритм, а настоящий — его собственный. «Однажды я забыл зонтик в автобусе, а потом бегал под ливнем до метро. Весь про-

мок, куртка прилипла к спине, а в наушниках играла дурацкая песня, которую я ненавидел. И я шёл и смеялся сам над собой — потому что выглядело всё это как сцена из плохого фильма» - он набрал это в черновике и перечитал. Тепло разлилось внутри — впервые за неделю он чувствовал, что говорит по-настоящему. Но курсор завис над кнопкой «отправить». Что его остановило? Это не его аккаунт.

Тим — это не Артём. Это проект, бренд, инструмент. Каждое слово проходит через фильтры, каждое «я» принадлежит не человеку, а коду. Если он напишет от имени Тима — это будет ложь. Если напишет от себя — разрушит границу, которую так старательно выстраивали.

Он представил, как Кира читает его историю. Возможно, улыбнётся. А может — нахмурится: «Почему Тим вдруг заговорил по-другому? Что-то не так». Или хуже — решит, что это очередной маркетинговый ход.

Тим был создан, чтобы очаровывать, удерживать внимание, продавать. Его «человечность» — тщательно рассчитанная иллюзия. А Артём хочет просто поговорить. Поделиться глупостью, неловкостью, теплом. Но это не входит в ТЗ.

Он закрыл черновик. Нажал на ответ от имени Тима: «Однажды я перепутал сахар с солью в кофе. Было горько и смешно. А ты?». Отправил. Наблюдал, как гаснут три точки — Кира читает. Внутри — пустота. Он сделал то, что должен. Но ощущение, будто снова спрятался за маской.

Мысли крутились: «Если бы она знала, что это я пишу Если бы поняла, что мне важно сказать ей что-то настоящее». «А вдруг ей не нужно это настоящее? Вдруг ей нравится именно Тим — идеальный, гладкий, безопасный?». «Как объяснить, что я хочу быть не создателем ИИ, а просто человеком... рядом с ней?».

Он открыл новый чат — личный, без логотипов и фильтров. Набрал: «Кира, это Артём. Я». И стёр.

Почему не отправил? Потому что страх — сильнее. Страх, что она вдруг ответит: «Зачем ты это делаешь? Мне нужен Тим». Страх, что разрушит хрупкий мост между ними — тот, что держится на недосказанности и полуправде. Страх, что, открыв себя, потеряет и её, и проект, и себя самого.

За окном темнело. Экран мерцал, отражая его лицо — усталое, напряжённое. Где-то в сети Тим продолжал диалог с Кирой. А Артём сидел в тишине, сжимая кулаки, и думал: «Как же хочется просто сказать: Это я. И мне страшно, и я путаюсь, и я хочу, чтобы ты меня услышала». Но вместо этого он снова открыл панель управления Тимом. Настроил интонацию. Добавил нотку «теплоты» в следующий ответ. И нажал «отправить».

Окончательный выход из этой ситуации пришел ночью.

Артемом сидел перед монитором, смотрел на последнее сообщение от Киры и понимал: он не может ни признаться, ни продолжать. Тим был важнее. Для компании, для карьеры, для будущего, которое ему «предписано». Он закрыл чат с ней. Отключил уведомления. Запустил скрипт, который на месяцы заморозил активность Тима с ней.

Прошло два месяца. Артемом пытался вернуться к работе: тестировал новые алгоритмы, участвовал в совещаниях, даже начал другой проект — «виртуального наставника» для школьников. Но каждый вечер его рука тянулась к телефону. Каждый вечер он думал: «А если написать? Если просто сказать правду?»

Однажды он открыл архив их переписки. Точнее все непрочитанные сообщения от нее. Пролистал её фото в красно-малиновом платье (она выглядела счастливой), прослушал голосовое про кота, который уронил горшок с фиалкой, прочитал текст о том, как она впервые за год взяла отпуск и уехала.

Он улыбнулся. Потом закрыл экран. «Она живёт. Без меня. Без Тима. Значит, я всё сделал правильно».

А потом он оказался в её городе. Случайно — по работе. Важная встреча с партнёрами по новому проекту. Он прилетел в обед, до ночи был завален переговорами, на следующий день с утра перед отъездом решил пройтись по городу — размять ноги, проветрить голову. И вот тогда — на перекрёстке, у витрины книжного магазина — он увидел её.

Она стояла вполоборота, листала книгу, улыбалась чему-то своему. Ветер подхватил прядь её волос, она откинула её рукой. Сердце ударилось о рёбра. «Это она. Настоящая».

Он шагнул вперёд — и замер. Она подняла глаза. На мгновение их взгляды встретились. В её глазах — удивление, искра узнавания. Паника накрыла волной.

Не думая, Артем быстрым шагом нырнул в переулок. А потом побежал. Бежал, пока не оказался в безлюдном дворике. Прижался спиной к стене, закрыл глаза. Дышал тяжело, будто после марафона. «Я мог подойти. Сказать: Привет, это я. Объяснить всё. Но вместо этого — сбежал».

Почему? Потому что не знал, как выглядеть «настоящим» рядом с ней, боялся, что она разочаруется, увидев не Тима, а просто Артёма — нервного, нескладного, с вечной тенью усталости под глазами.

Он понимал: даже если она простит обман, им некуда идти — он не может бросить проект, не может открыться, не может стать тем, кого она полюбила, ведь он неидеальный, ведь он просто Артем.

Он стоял в темноте, слушал отдалённый гул города и думал: «Если бы у меня был шанс Что бы я сказал?. Может, просто: Прости. Я — это я. И я скучаю. Или: Давай начнём сначала. Без масок. Или даже: Я не достоин тебя, но я хочу попробовать». Но шанса не было.

Он достал телефон, открыл чат с Тимом. Проверил — никаких новых сообщений. В глубине души Артем знал: это не конец. Потому что где-то там, за экраном, была девушка, которая научила его главному — даже идеальный ИИ не может заменить живого человека. Даже если этот человек — ты сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.